

Такие прекрасные сумасшедшие...

Александр ЖУР-БИН входит в пятерку популярнейших отечественных композиторов, он — автор музыки к фильмам, знаменитых мюзиклов и рок-опер. Живет в Нью-Йорке. Наш разговор происходит в Москве в его квартире у метро «Аэропорт» в момент последнего «прости»: то и дело входят рабочие, чтобы вынести очередной ящик с книгами некогда огромной домашней библиотеки.

— Не грустно?

— Грустно, конечно. Но знаешь, без пихонства: я чувствую себя здесь иностранцем. Не знаю, где поесть, где что толком купить. Многих политиков не знаю, нынешних звезд кино и эстрады. Реальная жизнь у меня протекает там. Хотя, конечно, я все равно отсюда — люблю Москву, люблю Россию...

— Ты слыл у нас одним из самых знаменитых композиторов: был настоящим успех, выходили пластинки, твои спектакли шли в лучших театрах страны. Чувствуешь ли ты, что потерял нечто?

— Если откровенно, то, конечно, да. Уровень, на котором я здесь стоял, в Америке для меня абсолютно недостижим. Ну, написал там музыку к паре фильмов, которые показывают в страшно узком кругу.

— И которые, я полагаю, не очень кормят?

— Композиторское ремесло там и за профессию-то не держат. Все понимают, что сочинительством никто не живет, за исключением крошечного слоя. В России этот слой насчитывает пару сотен имен, в Америке это вообще десять человек.

Множество прекрасных актеров, режиссеров, художников — как правило, очень скромно живущие люди. Но и они довольны своей жизнью. Строго говоря, это люди больные. Такие прекрасные сумасшедшие. Занимаются театром, потому что его любят. И на них смотрят как на чокнутых.

— То есть ощущение причастности к некоей элите тебя там покинуло насовсем?

— Покинуло. И боюсь, насовсем. Но оказалось, что я получил нормальную, стабильную, спокойную жизнь. Без этого российского безумия. Преподаю в колледже так называемые liberal arts — свободные искусства: музыка, театр, кино, его историю и теорию. У преподавательской работы масса достоинств: стабильная зарплата, три месяца в году оплачиваемые каникулы. Конечно, творческого удовлетворения нет, но я всегда считал, что человек сам творец своего счастья. И нашел для себя занятие по душе — театр. Я его хозяин. Хочу — поставлю то или это, приглашу такого-то режиссера, сам буду режиссером... Вряд ли в России у меня была бы такая возможность.

— А дела композиторские — как они?

— Я все время пишу. 18 декабря у меня концерт в Карнеги-Холл: премьеры Третьей симфонии, виолончельного концерта и сочинения на стихи Иосифа Бродского. Вообще, перемена страны — это возможность начать с нуля, как бы почувствовать себя снова молодым. Понимаешь, в России я был «маститым», меня знали. А там ты приходишь без регалий, ты голенький, всем наплевать на твои звания и дипломы и еще нужно доказать, что ты что-то можешь. Меня страшно радует, что многое получилось.

А главное — можно попробовать себя в новом качестве. Пишу для «Нового русского слова» и лос-анджелесской «Панорамы», выступаю на радио «Свобода», на русском те-

левидении у меня своя программа «Новости культурной жизни Нью-Йорка». Я теперь живу очень динамично.

— А как семья?

— Сыну скоро семнадцать, и я страшно горд за него. Я-то вряд ли стану американцем, потому что по воспитанию все мы безнадежно советские люди. А вот он уже американец. Говорит по-английски едва ли не лучше, чем по-русски. Думает по-английски. Он говорит: папа, я хочу год поучиться в Джульярде (знаешь, есть такая высшая музыкальная школа в Нью-Йорке?), потом год в Париже и год в Германии. То есть он хочет быть дирижером, композитором, и ему обязательно нужно знать культуру Франции и Германии. Для него открыт весь мир. Ментальность свободного человека — это так здорово!

— В твоём театре играет Елена Соловей...

— Поразительная женщина. Она живет в Нью-Джерси, у нее нет машины, но она регулярно ездит к нам на репетиции на автобусе и никогда не опаздывает. Я счастлив, что она с нами.

— Она уехала в Америку, выйдя замуж?

— Вот-вот, все почему-то считают, что она замужем за американцем. Нет, она по-прежнему с Юрой Пугачем, хорошим ленинградским художником. А первой вообще уехала ее дочь. Лену все помнят по «Рабе любви» — воздушной и хрупкой — но она уже бабушка! Ее знают Роберт Де Ниро и Ричард Гир, у нее хорошие связи, но актерскую карьеру она бросила, и то, что слава уже позади, ее не смущает. Играет в нашем театре, хотя это, конечно, очень скромно.

— Вернемся к твоему театру. Вот тут была статья о нем: мол, дают спектакли в синагогах, а прославленный наш композитор вынужден играть на расстроеном пианино...

— Это театр при центральной нью-йоркской синагоге — одно из красивейших зданий города. И в нем выступают замечательные труппы — английские, ирландские, еврейские... Зал на 600 мест, прекрасно оборудованная сцена.

— Так значит, не сельский клуб с оборванными занавесками?

— Если честно, приходится и в таких условиях выступать. Приезжаем в какой-нибудь Бронкс, там клуб на сто мест. Но у нас есть декорации, есть свет, мы все это возим с собой. Человек из Чикаго поедет в Нью-Йорк смотреть наш спектакль — и мы едем к нему в Чикаго. Я вижу в этом какую-то миссию...

— Ну да, там же полно русских!

— Вообще в Америке более двух миллионов русских — целая страна. И наш театр единственный, который там играет на русском языке.

— И приходит много зрителей?

— Практически полные залы. В мае мы играли на Бродвее и были особенно рады, что, кроме русской публики, было много американцев. Они заинтересовались, потому что о нас написала «Нью-Йорк Таймс». Это там как знак качества. «Нью-Йорк Таймс» — газета снобистская и пишет далеко не обо всем. Несколькими месяцами назад дочь Марло-

на Брандо покончила с собой, и все таблоиды вышли с огромными снимками на первых полосах, а «Нью-Йорк Таймс» не упомянула об этом даже в хронике, это для нее слишком мелко. Так что большая статья о нашем театре, да еще на первой странице отдела искусств, да еще со снимком — это знак признания.

— Театр музыкальный?

— Он так и называется: Russian-American Musical Theatre. Музыка в переводе не нуждается. Вот ты пришел в итальянскую оперу, ни хрена не понимая по-итальянски, — и не нужно! Музыка все скажет сама. С музыкой мы можем играть в Америке Чехова, Карамзина, Бабеля. У нас есть оркестр, балетная труппа, и мы не признаем фонограмму, все играем живьем.

Все наши актеры где-то работают: кто медсестрой, кто шофером. Один парень — менеджер крупной компании, получает там большие бабки, и театр для него — хобби.

— Прежде так или иначе искусство у нас было сферой как бы священной и вознесенной над грешным бытом. Сама мысль о рестораторном заработке для актера была бы кощунственной. Помню премьеру твоей рок-оперы «Орфей и Эвридика» в огромном Ленинградском Дворце культуры, похожем на космический ангар, — он был переполнен, ажиотаж страшный... не жаль тебе всего этого?

— Так ведь и тебе, наверное, жаль. Уже в России ничего подобного больше нет. Изменились нравы, искусство, публика — и я не думаю, что к лучшему.

Знаешь, очень многие наши эмигранты живут, в сущности, не в Америке, а всего лишь на территории Америки — селятся в русских районах, общаются только со своими и сторонятся американцев. Я поселился в центре Манхэттена, на углу 83-й улицы и Бродвея, в десяти кварталах от Линкольн-Центра и Карнеги-Холл. По русским понятиям, у меня большая квартира, трехкомнатная, с холлом и двумя ванными. Это дорого, я плачу 1700 долларов в месяц, не считая газа, телефона и прочего. Но для меня принципиально важно — жить, как живут американцы. У нас собирается компания ничуть не хуже, чем в Москве, — художники, музыканты, журналисты, критики. Те же лица, те же разговоры. Но все это «приправлено» тем, что рядом Рокфеллер-Центр и Метрополитен-опера. Это все мне очень нравится.

Главное — это невероятное средоточие искусства. На каждом шагу — театр, повсюду картинные галереи, лучшие в мире музеи, вся живопись планеты, все актерские силы... Невероятной красоты архитектура, замечательные концерты: каждый день то Чикагский оркестр, то Лондонский, то Парижский — бесконечный фестиваль.

И потом — удивительное чувство защищенности. Там полицейские неподкупны абсолютно. Недавно упекли одну из богатейших женщин мира за то, что неверно платила налоги. Ее схватили за руку и посадили, хотя ей семьдесят лет и она легко могла бы купить Эмпайр-Стейт-Билдинг. Вот такая страна — законная-презаконная.

— Ты заглядываешь в будущее?

— Конечно. И вижу, как я организую в Нью-Йорке Русский клуб, есть любье, но нет ни одного, который объединил бы русских. Сейчас ищу спонсоров и партнеров, и если кто-нибудь в России заинтересуется проектом — милости просим.

— Чем он будет заниматься, Русский клуб?

— Культурой. Зал, где будут новые фильмы, спектакли, концерты, вечера поэзии. Артгалерея, библиотека. И, конечно, бизнес-центр: место для встреч, переговоров, заключения сделок.

Валерий КИЧИН